

АНАТОМИЯ
УБИЙСТВА

PHILIP SHENON

A CRUEL AND
SHOCKING ACT

THE SECRET HISTORY
OF KENNEDY ASSASSINATION

ФИЛИП ШЕНОН

АНАТОМИЯ УБИЙСТВА

ГИБЕЛЬ ДЖОНА КЕННЕДИ.
ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ

Перевод с английского

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(73)(092)
ББК 63.3(7Сое)-8
Ш47

Published by arrangement with THE ROBBINS OFFICE, INC.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Шенон, Филип

Ш47   Анатомия убийства. Гибель Джона Кеннеди. Тайны расследования / Филип Шенон ; пер. с английского Е. Владимирской, П. РАКИТИНА, Л. Сумм, Н. Усовой. — М. : АСТ : CORPUS, 2013. — 624 с., [32] с. ил.

ISBN 978-5-17-079777-6

В 2008 году Филипу Шенону, корреспонденту *The New York Times* в Вашингтоне позвонил один из тех, кто в 1963 году работал штатным юристом комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди. «Вы должны рассказать нашу историю, — сказал этот человек. — Мы уже немолоды, но еще живы многие из тех, кто работал в комиссии Уоррена, и, возможно, для нас это последний шанс рассказать о том, что происходило на самом деле». Пять лет Шенон разговаривал с участниками расследования, с теми, кто так или иначе был к нему причастен, и понял, что множество свидетельств, имевших отношение к делу об убийстве президента, было скрыто или уничтожено ФБР, ЦРУ и другими государственными структурами.

УДК 94(73)(092)
ББК 63.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-17-079777-6

- © 2013 by Philip Shenon
  - © Е. Владимирская, перевод на русский язык (главы 12–16), 2013
  - © П. Ракитин, перевод на русский язык (главы 1–11, 17–20), 2013
  - © Л. Сумм, перевод на русский язык (пролог, главы 21–40), 2013
  - © Н. Усова, перевод на русский язык (от автора, главы 41–58), 2013
  - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

22–29 НОЯБРЯ 1963 ГОДА

25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССЛЕДОВАНИЕ

75

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТЧЕТ

393

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

485

От автора

534

Примечания

548

Библиография

588

Благодарности

596

Указатель

600

*В память о моем отце Питере Уоррене Шеноне,
который стал добрым и справедливым человеком
в Калифорнии, созданной Эрлом Уорреном*

Убийство Джона Фитцджеральда Кеннеди
22 ноября 1963 года было актом жестокости
и насилия, направленным против человека,
семьи, народа и всего человечества

Заключительный отчет Президентской
комиссии по расследованию убийства
президента Джона Кеннеди
24 сентября 1964 года

ВОПРОС: Он рассказывал что-нибудь о своей
поездке в Мехико?

МАРИНА ОСВАЛЬД: Сказал, что побывал
в двух посольствах, но ничего не добился,
потому что там одни бюрократы.

ВОПРОС: Вы спрашивали его, что он делал
в оставшееся время?

МИССИС ОСВАЛЬД: Он, кажется, говорил,
что сходил на бой быков и почти все время
проводил в музеях, и еще осматривал досто-
примечательности.

ВОПРОС: Он рассказывал о ком-нибудь, с кем
там встречался?

МИССИС ОСВАЛЬД: Нет. Сказал, мексиканки
ему не нравятся.

ПОКАЗАНИЯ МАРИНЫ ОСВАЛЬД,
ДАННЫЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КОМИССИИ
3 ФЕВРАЛЯ 1964 ГОДА

пролог

Никто не знает, в какой момент Чарльз Уильям Томас задумал самоубийство. Кто может судить о таких вещах? Годы спустя следователи из комиссии Конгресса смогли высказать лишь обоснованную догадку, почему Томас, бывший дипломат, большую часть карьеры отслуживший в посольствах Африки и Латинской Америки, решил покончить с собой. В понедельник, 12 апреля 1971 года, около четырех часов дня, он приставил к голове пистолет¹. Томас находился на втором этаже дома, который его семья арендовала в Вашингтоне, поблизости от реки Потомак. Супруга, остававшаяся внизу, сперва решила, что взорвался бойлер.

Двумя годами ранее, летом 1969 года, у Томаса появилась причина для отчаяния: ему исполнилось 47 лет, на руках жена и две дочери, а карьере в Госдепартаменте пришел конец. Это было уже очевидно, хотя Томас так и не понял, почему его гонят с любимой работы, которую, как ему казалось — да нет, он точно знал, — он делал хорошо. В Госдепартаменте издавна действовал тот же принцип, что и в армии — «либо вверх, либо вон». Если не получишь вовремя следующий чин, карьера оборвется, и поскольку Томаса не отправили дипломатом более высокого ранга в очередное посольство и не усадили в начальственный кабинет в Вашингтоне, он был «отчислен»², как на оруэлловский лад говорили в Госдепартаменте о намеченных к увольнению. Восемнадцать счастливых, полных работы лет — жизнь в разных уголках земли на службе родины, — а теперь он больше не нужен.

Сначала, по словам жены Томаса Синтии, он думал, что это какая-то ошибка³. Послужной список у него был на зависть, в отчете после очередной проверки его назвали «одним из наиболее ценных служащих» Госдепартамента, «давно заслужившим» повышение. Но теперь, когда его

формально «отчислили», не так-то просто было добиться отмены приговора, а Томасу, человеку самолюбивому, еще и нестерпима была сама роль просителя. Он начал помаленьку собирать свои вещи, чтобы освободить кабинет, и прикидывал, где в его возрасте возможно найти работу.

Но перед тем как уйти, ему нужно было закончить в Госдепартаменте одно дело. 25 июля 1969 года Томас допечатал служебную записку на трех страницах и одну страницу сопроводительного письма, адресованного главному своему начальнику, госсекретарю при президенте Никсоне Уильяму Роджерсу⁴. Коллеги могли бы сказать Томасу, что ему, чиновнику средней руки, неуместно обращаться напрямую к главе Госдепартамента, однако у Томаса были основания полагать, что только так он сумеет привлечь внимание. Таким способом он не пытался сохранить свою работу — для этого, как он сказал близким, было уже слишком поздно. Служебная записка стала последней попыткой разгадать величайшую — за исключением загадки его увольнения — и давно томившую Томаса тайну, связанную с его карьерой. Роджерс был в Госдепартаменте человеком новым, он пришел всего за шесть месяцев до этого письма, вместе со всей командой Никсона. Томас понадеялся, что Роджерс захочет разобраться в действиях профессиональных дипломатов из Госдепартамента: те вот уже почти четыре года отмахивались от поразительной истории, которую Томас пытался им рассказать.

На каждой странице служебной записки Томас напечатал и подчеркнул слово «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО».

«Уважаемый господин секретарь, — так он начал, — завершая свою работу в Госдепартаменте, я хотел бы указать на дело, как мне кажется, заслуживающее вашего внимания».

У служебной записки имелся заголовок: «Тема: Расследование деятельности Ли Харви Освальда в Мексике».

Чарльз Уильям Томас придерживался в этой служебной записке привычного для него делового и вместе с тем вежливого тона. Даже в официальной переписке он полностью указывал свое среднее имя, чтобы его не перепутали с коллегой, Чарльзом У. Томасом⁵. Томас хотел оставаться дипломатом — а значит, дипломатичным — до конца. Он понимал, что в своем послании затрагивает взрывоопасную, угрожающую национальной безопасности тему, и не желал показаться безответственным. Мало приятного — уйти из Госдепартамента с репутацией сумасшедшего, которому всюду чудятся заговоры. Под конец 1960-х годов и без него хватало «правдоискателей», стремившихся писать в передовицах про очередные теории заговора, который-де и привел к убийству президента Кеннеди. Томас не хотел ока-

заться на одной странице с этими людьми в исторических монографиях, или на одной полке в архиве личных дел Госдепартамента. В его служебной записке нет и намека на одержимость, которая два года спустя приведет Томаса к самоубийству.

Госсекретарь Роджерс в любой момент мог запросить послужной список Томаса — весьма, кстати говоря, неплохой. Томас самостоятельно пробыл в жизни, он рано осиротел (род Томас в Техасе) и воспитывался в доме старшей сестры в Форт-Уэйне (Индиана)⁶. Во Вторую мировую войну он сражался на истребителе ВМФ, а затем поступил в Северо-Западный университет в Эванстоне, штат Иллинойс, и там получил сперва диплом бакалавра, а затем юриста. Иностранные языки давались Томасу без труда, он свободно говорил по-французски и по-испански, впоследствии выучил также немецкий, итальянский, португальский и креольские наречия, что особенно пригодилось во время работы на Гаити. Окончив Северо-Западный университет, Томас поехал учиться в Европу и получил в Парижском университете степень доктора международного права. В 1951 году он поступил на службу в Госдепартамент и сперва получал назначения в опасные места Западной Африки — там, хоть и переболев малярией, он не терял веселого нрава и энтузиазма и этим запомнился. Друзья говорили, что ему «нужно сниматься в роли дипломата» — блондин, рост метр восемьдесят, красив и щеголеват, красноречив, обаятелен. Поначалу все думали, что он дослужится до ранга посла, возглавит представительство США в какой-нибудь стране.

В 1964 году Томас был направлен в Мексику сотрудником политического отдела посольства и занимал этот пост почти три года. В 1960-е годы такое назначение считалось особо важным, поскольку Мехико сделалось столицей холодной войны — латиноамериканским эквивалентом Берлина и Вены. Там располагались крупнейшие в Латинской Америке посольства Кубы и Советского Союза, а США, с помощью обычно соглашавшихся на сотрудничество мексиканских правоохранительных органов, могли пристально следить за деятельностью советских и кубинских дипломатов и многочисленных шпионов под маской дипломатов. ЦРУ считало советское посольство в Мексике базой для «мокрых операций» КГБ в Западном полушарии — так на жаргоне спецслужб именовались убийства. (Вести подобные операции с территории советского посольства в Вашингтоне было бы для КГБ слишком рискованно.) Мехико и в прошлом не раз становилось ареной организованного Кремлем насилия. В 1940 году Иосиф Сталин отрядил сюда убийц, чтобы покончить со своим соперником Львом Троцким, эмигрировавшим в Мексику.

Репутация Мехико как средоточия интриг холодной войны укрепилась, когда выяснилось, что Ли Харви Освальд навещался сюда всего за не-

сколько недель до убийства президента Джона Ф. Кеннеди в Далласе в пятницу 22 ноября 1963 года. Подробности поездки Освальда в Мексику раскрывались в новостных репортажах, опубликованных в первые же дни после убийства президента, и отсюда возникли первые теории заговора и причастности каких-то зарубежных кругов к убийству. Многие в этом шестидневном пребывании Освальда в Мексике казалось подозрительным. Освальд, сам себя аттестовавший марксистом и не скрывавший симпатий к коммунизму даже во время службы в корпусе морской пехоты США, наведаясь в Мехико и в советское, и в кубинское посольства. Как выяснилось, он просил визы, чтобы перебраться на Кубу. Это стало бы его второй попыткой эмигрировать — однажды Освальд уже пытался отречься от гражданства США (в 1959 году, когда переехал в Советский Союз), но через три года вернулся в США и заявил, что проникся презрением к советской разновидности коммунизма с мелочной коррупцией и бесконечными ярусами бюрократии. Теперь он надеялся, что сподвижники Фиделя Кастро окажутся ближе к идеалам Карла Маркса.

В сентябре 1964 года президентская комиссия во главе с председателем Верховного суда Эрлом Уорреном (в народе ее называли комиссией Уоррена), расследуя убийство Кеннеди, пришла к выводу, что убийцей был Освальд и действовал он в одиночку⁷. В заключительном отчете после десяти месяцев расследования было сказано, что никаких доказательств существования внутреннего или международного заговора не обнаружено. «У комиссии нет доказательств того, что кто-то помогал Освальду в планировании или осуществлении убийства», — сообщалось в отчете. И хотя с полной уверенностью установить мотив Освальда не удалось, в отчете высказывалось предположение, что он был эмоционально нестабилен и мог вознамериться убить президента из-за «укоренившейся ненависти к любым авторитетам» и «потребности занять место в истории».

И вот в последние дни своей службы в Госдепартаменте, летом 1969 года, Чарльз Томас попытался убедить кого-нибудь наверху перепроверить эти выводы. Могла ли комиссия Уоррена допустить ошибку? В служебной записке госсекретарю Роджерсу содержалась информация о визите Освальда в Мексику, которая «побуждала вернуться к вопросу об истинных причинах убийства Кеннеди и ставила под сомнение выводы комиссии Уоррена...» «Поскольку я получил эту информацию, будучи сотрудником политического отдела посольства, на мне лежит ответственность за то, чтобы передать ее на рассмотрение, — пояснял Томас. — При нынешних обстоятельствах кажется маловероятным новое исследование этого дела, если его не санкционирует кто-то из вышестоящих лиц в Вашингтоне».

Сведения, полученные Томасом, были настолько запутанными, что он считал необходимым пронумеровать каждый абзац записки. К записке он приложил еще несколько документов, в которых упоминались множество испанских имен с проставленными для удобства чтения ударениями и малоизвестные уголки Мехико: эти документы восстанавливали подробную хронику давних событий. Но суть сообщения Томаса сводилась к следующему: комиссия Уоррена просмотрела (или даже не имела шанса увидеть) информацию, указывавшую, что заговор с целью убийства Кеннеди был составлен или по крайней мере благословлен кубинскими дипломатами и шпионами из мексиканской столицы, что Освальда ввела в это шпионское гнездо в сентябре 1963 года красивая и энергичная мексиканка — тоже, как и он, сторонница кубинской революции.

Эта женщина, по сведениям Томаса, в Мехико была недолгое время любовницей Освальда.

Составляя служебную записку, Томас отдавал себе отчет в том, сколь невероятным, даже абсурдным покажется этот текст его коллегам — скоро уже бывшим коллегам — в Госдепартаменте. Если информация была достоверной, как могло случиться, что комиссия Уоррена ее пропустила?

В основном тексте записки Томас назвал по имени главный источник этой информации: Елена Гарро де Пас, популярная, любимая критикой мексиканская писательница 1960-х годов⁸. Ее слава приумножилась благодаря браку с одним из знаменитейших писателей и поэтов Мексики, Октавио Пасом, который позднее получил Нобелевскую премию по литературе. Остроумная, живая, Елена говорила на нескольких языках и прожила несколько лет в Европе, прежде чем в 1963 году вернулась в Мексику. Когда они встретились с Томасом, ей было за сорок. Елена писала диплом в Калифорнийском университете в Беркли и, как Томас, в Парижском университете.

В активной светской жизни Мехико эти двое познакомились и стали друзьями, а в декабре 1965 года женщина поведала американскому дипломату тревожную историю. Она открыла ему — по словам Томаса, как бы даже против своей воли, — что встретила Освальда на вечеринке приверженцев Кастро, когда Освальд осенью 1963 года приезжал в Мексику.

То была вечеринка твиста — Чабби Чекер и его песня «Твист» пользовались в Мехико не меньшей популярностью, чем на родине, — и кроме Освальда там, как говорила Гарро, были и другие американцы: с ним вместе явились двое «битников». «Эти трое явно были друзьями, поскольку на следующий день она видела их вместе на улице», — писал Томас. На вечеринке Освальд был в черном свитере, «больше молчал и смотрел в пол», как запомнилось Гарро. Сама она не разговаривала с американцами и даже не знала их имен — по ее словам, имя Освальда она узнала после убийства, когда увидела его фотографию в мексиканских газетах и по телевидению.

На той же вечеринке присутствовал кубинский дипломат высокого ранга, рассказывала Гарро. Консул Эусевио Аске руководил визовым отделом посольства. (В служебной записке Томас указал, что в обязанности Аске входил также шпионаж: в американском посольстве его считали высокопоставленным офицером разведслужбы Кастро, *Dirección General de Inteligencia, DGI.*) Именно в консульскую службу Аске обращался Освальд, хлопоча о визе на Кубу.

Гарро, ярая антикоммунистка, ненавидела этого кубинского дипломата. До убийства Кеннеди она, по ее словам, слышала, как Аске открыто выражал надежду, что кто-нибудь покончит с американским президентом, представляющим угрозу для правительства Кастро. Карибский кризис в октябре 1962 года и организованная ЦРУ годом ранее неудачная операция в заливе Свиней все еще были свежи в памяти кубинца. На одной вечеринке и сама Гарро, и другие гости слышали «оживленную дискуссию», в которой Аске высказывал мнение, что «единственным решением будет убить его», то есть президента Кеннеди.

На той же вечеринке, где был Освальд, присутствовала, согласно рассказу Гарро, и замечательно красивая 26-летняя мексиканка Сильвия Тирадо де Дюран, которая работала в консульстве под руководством Аске, — с Гарро она состояла в родстве по мужу. Дюран не скрывала своих социалистических убеждений и яро поддерживала Кастро — потому-то и получила работу у кубинцев. В библиотеке посольства Томас отыскал экземпляр отчета комиссии Уоррена и убедился, что имя Дюран повторяется в нем достаточно часто: комиссия пришла к выводу, что именно Дюран беседовала с Освальдом, когда тот навещался в кубинское посольство в Мексике. Сильвия помогла Освальду заполнить анкету на визу и, по-видимому, всячески за него хлопотала. Имя и телефонный номер Дюран были обнаружены в записной книжке, попавшей в руки властей вместе со всем личным имуществом Освальда.

Гарро сказала Томасу, что Дюран ей всегда была противна — и из-за ее левых убеждений, и из-за скандальной любовной жизни. Она была замужем за кузенем Елены Гарро, но ни для кого в Мехико не оставался тайной ее бурный роман с кубинским послом в Мексике, случившийся за два года до той вечеринки. Посол тоже состоял в браке, но готов был бросить жену и жить с Дюран. «Гарро никогда не имела дела с Сильвией, которую она презирает и считает шлюхой», — писал Томас.

Лишь после убийства Кеннеди Гарро, по ее словам, узнала, что Дюран на короткое время стала и любовницей Освальда. Гарро сказала Томасу, что Дюран не только спала с Освальдом, но и познакомила его с жившими в Мехико сторонниками Кастро, кубинцами и мексиканцами. Именно Дюран привела Освальда на вечеринку твиста. «Она была его любовницей», —

утверждала Гарро. Как она говорила Томасу, «все знали, что Сильвия Дюран — любовница Освальда».

Томас спросил Гарро, кому еще она рассказывала об этом. Она ответила, что почти год после убийства молчала, опасаясь за собственную безопасность и за свою 26-летнюю дочь, которая также видела и запомнила Освальда на той вечеринке. Однако осенью 1964 года, как раз после того, как комиссия Уоррена закончила свою работу, Гарро собралась с духом, встретилась с работниками американского посольства в Мехико и рассказала им все, что знала. К ее изумлению, больше к ней из посольства не обращались.

В служебной записке госсекретарю Томас из осторожности оговорился: эти показания насчет Освальда и кубинцев могли быть и вымыслом, сочиненным исключительно талантливой мексиканской писательницей. Гарро отличалась пылким воображением, и на ее восприятии действительности сказывались ее политические пристрастия — она могла принять за Освальда другого молодого человека на той вечеринке. «Я знал, что Гарро профессиональная антикоммунистка, которая за любым неблагоприятным политическим событием видит коммунистический заговор, — писал Томас. — Возможно, тщательное расследование опровергло бы ее показания». Тем не менее проверить рассказ Гарро, по его мнению, было необходимо. «Было бы легко и удобно замять дело, заявив, что мисс Гарро — ненадежный источник, поскольку она пристрастна, эмоциональна, творческая натура, — писал Томас, — но с учетом представленных мной фактов полагаю, что этот вопрос требует дальнейшего расследования».

Как утверждал в этой служебной записке Томас, его начальству в посольстве было хорошо известно сообщение Гарро, поскольку «он их извещал». После каждого разговора с ней в 1965 году он подавал им подробные доклады. В тот год он даже на Рождество писал служебную записку, датированную 25 декабря, излагая все, что услышал от Гарро утром на праздничном мероприятии. Он проследил за тем, чтобы его доклады попадали напрямую к Уинстону Скотту, главе резидентуры ЦРУ в Мексике⁹. Скотт, любезный 56-летний уроженец Алабамы, располагал источниками на высшем уровне мексиканского правительства: сменявшие друг друга мексиканские президенты обращались к нему за покровительством, а их ближайшие помощники становились его высокооплачиваемыми информаторами. Даже мексиканские чиновники считали Скотта, занявшего этот пост в 1956 году, гораздо более могущественным человеком, чем американские послы, с которыми он формально сотрудничал. Заместителям Скотта было известно, что и в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли он пользуется необычайным влиянием, в том числе благодаря многолетней дружбе с Джеймсом Энглтоном, главой отдела контрразведки ЦРУ, главным в Управлении «охотником на кротов». Эти двое служили в ЦРУ с момента его основания в 1947 году.

В служебной записке Роджерсу Томас заявил, что Скотт и сотрудники посольства не стали проверять информацию о связи Освальда с кубинцами. Сперва Скотт выразил некоторый интерес, но потом перестал обращать внимание на добытую Томасом информацию, даже когда в 1967 году, перед тем как уехать из Мексики в Вашингтон, Томас попытался вновь поднять этот вопрос.

Томас готов был признать, что, «даже если все сведения в прилагаемой служебной записке соответствуют истине, сами по себе они не служат доказательством заговора с целью убить президента Кеннеди», однако письмо Роджерсу он завершал предостережением на случай, если показания Гарро, неподтвержденные, но и не расследованные, просочатся когда-либо за пределы ЦРУ и Госдепартамента: «Если они сделаются известны, все, кто пытался дискредитировать отчет комиссии Уоррена, окажутся на коне и смогут делать из них любые выводы, — рассуждал Томас. — Доверие к отчету Уоррена будет подорвано, в особенности если выяснится, что о сообщении Гарро знали, но не проявили к нему должного внимания».

31 июля 1969 года стало последним рабочим днем Томаса в Госдепартаменте. Прошло всего шесть дней с отправки служебной записки Роджерсу. Из документов Госдепартамента трудно понять, был ли Томас сразу же информирован о судьбе этой записки. 29 августа в письме под грифом «Конфиденциально» отдел внутренней безопасности Госдепартамента обратился к ЦРУ с просьбой прокомментировать представленный Томасом материал. Госдепартамент передал в ЦРУ как служебную записку Томаса, так и некоторые сопутствующие документы.

Примерно три недели спустя ЦРУ дало не слишком любезный ответ. Вот он, от начала до конца: «Тема: Чарльз Уильям Томас. По поводу вашей служебной записки от 28 августа 1969 г. Мы проверили прилагаемые документы и не видим нужды в дальнейших действиях. Копия ответа направлена в Федеральное бюро расследований и в Секретную службу Соединенных Штатов». На ответе стоит подпись Энглтона, главы контрразведки ЦРУ, и одного из его заместителей, Реймонда Рокки. Об этой отповеди из ЦРУ Томаса проинформировали и, насколько он мог судить, на том все и кончилось — больше ничего он сделать не мог.

Когда через два года Томас покончил с собой, *The Washington Post* опубликовала некролог из 186 слов, где о причине смерти упоминалось лишь мимоходом: «Причиной смерти, по заключению полиции, являются огнестрельные раны»¹⁰. (На самом деле в свидетельстве о смерти упоминается лишь одна огнестрельная рана — в правый висок.) По ходатайству родственников умершего следователи из Конгресса подняли его личное дело и убе-

дились, что Томаса «отчислили» из Госдепартамента по ошибке. По-видимому, карьеры он лишился из-за бюрократической ошибки: инспекторский отчет, рекомендовавший повысить Томаса, по причинам, так и оставшимся неразъясненными, не попал в папку с его личным делом.

Следователи Конгресса заподозрили, что решение выдать Томаса со службы могло быть вызвано и другими факторами, в том числе его настойчивыми и нежелательными требованиями добиться рассмотрения показаний Гарро. «Я всегда считал, что это как-то связано с его расспросами об Освальде, — говорил бывший следователь Конгресса, — но доказать это было невозможно. Если его уволили из-за событий в Мехико, то кто-то кому-то подал знак — и все»¹¹. В Мексике ходили слухи, что работавший в посольстве заместитель Уина Скотта развязал кампанию слухов и клеветы против Томаса, а зачем — большинство мексиканских друзей Томаса даже не догадывались.

Бывший сенатор от Индианы Берч Бэй, возглавлявший с 1979 по 1981 год сенатский Комитет по разведке, помог семье Томаса получить пенсию, в которой ей после самоубийства Томаса отказали. По словам Бэя, заступился он за родных Томаса главным образом потому, что Томас был родом из Индианы. В интервью 2013 года бывший сенатор признался, что причины отставки Томаса он так и не постиг. «Бессмыслица какая-то», — сказал Бэй, в очередной раз повторив, что о связи между Томасом и расследованием убийства Кеннеди ему ничего не известно. Бывший сенатор сказал также, что увольнение Томаса может иметь, а может и не иметь отношения к тем сведениям, которые он получил в Мехико и пытался расследовать. «Но кое-что с Чарльзом Томасом случилось, — заключил Бэй. — Собственное правительство застрелило его насмерть»¹².

Как-то раз весной 2008 года, во второй половине дня, в моем кабинете в Вашингтонском отделении *The New York Times* раздался звонок. Звонил человек, с которым я никогда не встречался прежде — известный юрист, чья карьера началась почти пятьдесят лет назад, когда он совсем молодым работал в штате комиссии Уоррена¹³. «Напишите о нас! — потребовал он. — Мы не молоды, но многие еще живы, и это — последний шанс рассказать, как все было на самом деле». Позвонил он мне, прочитав хорошие отзывы на предыдущую мою книгу — о правительственной комиссии, расследовавшей теракт 11 сентября 2001 года. Этот юрист предложил мне любую помощь в составлении аналогичной истории комиссии Уоррена, с тем условием, что я не признаюсь его коллегам, от кого именно исходила инициатива. «Не хочу отвечать, когда вы наткнетесь на кое-какие нелюбезные моменты», — пояснил он и добавил, что закулисная

история сама по себе — «прекрасный детективный сюжет, о котором вы и понятия не имеете».

Так начался занявший пять лет проект журналистского расследования: собрать воедино внутреннюю историю самого важного и наиболее неверно трактуемого расследования убийства за весь XX век — историю комиссии Уоррена, расследовавшей убийство президента Кеннеди. Тогдашний председатель Верховного суда Уоррен и остальные шесть членов комиссии умерли задолго до того, как я взялся за книгу, — последний из них, бывший президент Джеральд Форд, скончался в 2006 году, — но человек, позвонивший мне, справедливо заметил, что все еще живо большинство юристов, в ту пору молодых, которые и проделали в 1964 году основную следственную работу. И я благодарен им за то, что почти все согласились встретиться и поговорить со мной.

К сожалению, и эти люди уходят. Несколько членов комиссии и другие люди, сыгравшие в той истории ключевые роли, успели дать мне интервью для этой книги, но теперь их уже нет в живых. Особенно чувствительна потеря бывшего сенатора из Пенсильвании Арлена Спектера, который работал юристом в штате комиссии. Тем самым эта книга превращается в их завещание и последнее свидетельство о работе комиссии и об убийстве Кеннеди. Я оказался последним, кто взял интервью у бывшего спецагента ФБР Джеймса Хости, одного из главных свидетелей, представших перед комиссией Уоррена: он вел наблюдение за Освальдом в Далласе в месяцы перед убийством. Хости пришлось отвечать на простые вопросы о том, почему он и его коллеги в ФБР не смогли остановить Освальда. В интервью в июне 2011 года, незадолго до смерти, Хости сказал, что и ФБР, и комиссия Уоррена старались превратить его в козла отпущения, свалить на него последствия некомпетентности и двуличия более высокопоставленных лиц¹⁴.

Английское название книги, *The Cruel and Shocking Act*, позаимствовано из фразы, которой открывается вступление к заключительному отчету комиссии: «Убийство Джона Фицджеральда Кеннеди 22 ноября 1963 года стало актом жестокости и насилия против человека, семьи, народа и всего человечества»¹⁵. Первоначально эта книга задумывалась как первая всеобъемлющая внутренняя история комиссии Уоррена, но со временем она разрослась в нечто большее и более существенное. Эта книга передает мое ощущение того, сколь многого мы до сих пор не знаем об убийстве Кеннеди, каким образом важные улики, относящиеся к этому убийству, скрывались или уничтожались — шредером, огнем и так далее, — прежде чем до них успевала добраться комиссия. Старшие офицеры ЦРУ и ФБР скрывали от юристов комиссии часть информации, очевидно, стараясь затушевать тот факт, что им было заранее известно о Ли Харви Освальде и о том, какую он представ-

лял собой угрозу. Эта книга впервые расскажет о том, как ключевых свидетелей, которые могли бы пролить свет на сопутствовавшие убийству события, либо не выслушивали, либо запугивали. Собирая материал для книги, я познакомился с такими людьми и побывал в таких местах, о которых и не догадывался, что они имеют отношение к смерти президента Кеннеди. Как всякий, кто пытался подобраться к истине об этом убийстве, я сделался жертвой двойного проклятия: слишком мало информации и в то же время слишком много. Ошеломляющее открытие: как много ценных улик, относящихся к убийству президента Кеннеди, бесследно исчезло! Не менее ошеломляющее открытие: как много улик сохранилось! Ныне в публичном доступе находится такое количество материала об этом убийстве, в том числе миллионы страниц некогда секретных правительственных документов, что ни один журналист и ни один академический ученый не в силах просмотреть все. Большие массивы документов все еще, спустя пятьдесят лет после тех событий, не были подняты исследователями. Например, я оказался первым, кто получил полный доступ к бумагам Чарльза Томаса, в том числе к хронике его борьбы за то, чтобы коллеги обратили внимание на «вечеринку твиста» в Мехико и присутствие там Освальда. Эти документы я увидел лишь в 2013 году.

Протоколы комиссии Уоррена — официально она именовалась Президентской комиссией по расследованию убийства президента Джона Ф. Кеннеди — заполняют 12 кубических метров охраняемого хранилища с климат-контролем в принадлежащем Национальному архиву здании в Колледж-Парке (Мэриленд, на границе Вашингтона)¹⁶. Там представлены тысячи собранных комиссией улик, в том числе 6,5-миллиметровая итальянская винтовка Освальда *Mannlicher-Carcano* — найденное на шестом этаже тexasского склада школьных учебников оружие убийства, — а также почти целая трехсантиметровая пуля со свинцовым сердечником и медной оболочкой, которая была найдена около каталки в Мемориальной больнице Паркланда (Даллас) в день убийства. Штатные сотрудники комиссии — существенная оговорка: сотрудники, но не сами члены — пришли к выводу, что эта пуля, вылетевшая из винтовки Освальда (он заказал ее по почте и уплатил 24 доллара), прошла и сквозь тело президента Кеннеди, и сквозь тело губернатора Техаса Джона Коннелли, так называемая версия одной пули.

Розовый костюм, в котором Джеки Кеннеди ехала в президентском лимузине в день убийства, тоже хранится в этой современной крепости в пригородном Мэриленде. Пошитая в США копия модели от *Chanel*, которая особенно нравилась президенту (миссис Кеннеди «выглядит в ней сногшибательно», сказал он другу¹⁷), хранится в вакуумном контейнере в помещении без окон. В хранилище поддерживается температура между

65 и 68 градусами по Фаренгейту (от 18,3 до 20 градусов Цельсия), влажность 40 %. Не менее шести раз в час в хранилище через фильтр обновляется воздух, чтобы уберечь тонкую ткань, запятнанную кровью президента. Местопребывание знаменитой розовой шляпы миссис Кеннеди — загадка: в последний раз ее видели у бывшего личного секретаря первой леди. В отдельном помещении при температуре -4°C покоится маленький обрывок пленки — по данным архива, мировой рекорд просмотров принадлежит именно этому короткому фильму¹⁸. На 486 кадрах 8-миллиметровой цветной пленки *Kodachrome* фабрикант женской одежды Эйбрахам Запрудер с помощью любительской камеры *Bell & Howell* запечатлел страшные кадры убийства президента.

Многие личные бумаги Уоррена, относящиеся к периоду его работы в комиссии, названной его именем, хранятся в Библиотеке Конгресса на Первой стрит, всего в нескольких минутах ходьбы от его бывшего кабинета в Верховном суде¹⁹. Скончавшийся в 1974 году Уоррен мог бы и огорчиться, узнав, что миллионы американцев вспоминают о нем главным образом благодаря комиссии, а не воздают честь его исторической роли председателя Верховного суда, хотя эту должность он исполнял на протяжении 16 лет.

Решение сохранить обширный архив рапортов и отчетов по следствию, а также собранные комиссией материальные улики, которые ныне можно видеть в Национальном архиве и в Библиотеке Конгресса, было принято для умиротворения общественности — как доказательство тщательной работы комиссии и ее открытости. Только в архиве собралось более пяти миллионов страниц документов, связанных с убийством. И все же добросовестные историки и другие серьезные исследователи, даже те, кто безусловно разделяет выводы комиссии, вынуждены признать, что ее работа с самого начала была обречена на существенные недостатки. Комиссия допускала серьезные промахи, она не проверила важные улики и ключевых свидетелей, потому что глава комиссии, председатель Верховного суда Уоррен, во многих отношениях сдерживал и ограничивал ее работу. Зачастую Уоррен больше пекся о репутации своего покойного друга президента Кеннеди и его близких, чем о задаче собрать всю информацию об убийстве президента.

Но история еще воздаст штатным юристам комиссии и их бывшему «придворному» историку: в этой книге они рассказывают о том, что на самом деле происходило за кулисами комиссии Уоррена. Основу сюжета составляет их работа, показанная с их точки зрения. В ту пору этим юристам было двадцать с чем-то лет, а кому-то тридцать с небольшим. Их приглашали в штат комиссии из известных юридических фирм, из школ права и офисов прокуроров разных городов страны. Большинство из них сей-

час завершают многолетнюю карьеру в адвокатуре или на государственной службе. Для некоторых интервью со мной стало первой возможностью подробно обсудить — тем более обсудить с журналистом — работу комиссии. Многие хранили молчание десятилетиями из страха перед тяжелыми и обычно обреченными на провал спорами с ордами теоретиков различных «заговоров». Все эти мужи закона (единственная среди них женщина-юрист, Альфреда Скоби, умерла в 2001 году) гордились своим вкладом в работу комиссии, но многие из них были также возмущены, когда поняли, как много улик от них скрыли. Эти скрытые улики, по их мнению, все еще вынуждают писать и переписывать историю убийства Кеннеди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

22–29 НОЯБРЯ
1963 ГОДА

Courtesy Everett Collection

Гроб с телом президента Кеннеди в ротонде Капитолия. 25 ноября 1963 г.

ГЛАВА 1

ДОМ КОМАНДЕРА ДЖЕЙМСА ХЬЮМСА
БЕТЕСДА, ШТАТ МЭРИЛЕНД
23 НОЯБРЯ 1963 ГОДА, СУББОТА

Чрез несколько часов после того, как тело президента было доставлено в Вашингтон, из дела начали исчезать документы, касающиеся убийства. Записи, сделанные военным патологоанатомом в ходе вскрытия, а также подлинник отчета о вскрытии были уничтожены.

Впоследствии командующий флотом военный врач Джеймс Хьюмс рассказывал, что его работа над медицинским заключением в ночь субботы, 23 ноября, может быть представлена как первая попытка властей замести следы. Впрочем, признавал он, этого и следовало ожидать. «Случившееся было целиком и полностью моим решением, — говорил он. — Только моим»¹.

Около 11 часов вечера 38-летний патологоанатом сел в просторной гостиной своего дома, расположенного в предместье Вашингтона, городке Бетесде, штат Мэриленд, и приготовился читать записи, сделанные им в морге. Полагая, что на написание и редактирование отчета уйдет масса времени, он разжег камин — вечер был прохладный².

Минувшей ночью он руководил работой команды из трех патологоанатомов, проводивших вскрытие тела президента в Медицинском центре ВМФ в Бетесде. Днем в субботу времени на оформление документов не было, рассказывал он позже. Он рассчитывал, что в одиночестве, в спокойной обстановке сумеет сосредоточиться и завершить дело. Необходимо было подготовить окончательный экземпляр отчета и передать его на подпись коллегам: они получили приказ доставить отчет в Белый дом в воскресенье вечером.

Силы Хьюмса были на исходе. После обеда ему удалось поспать несколько часов, но ночь пятницы была бессонной. «Я находился в морге с 19.30 до 5.30 утра. Не покидая помещения».

Во второй половине дня пятницы, когда из Далласа продолжали поступать леденящие душу сообщения, Хьюмс, один из лучших патологоанатомов, специалист Медицинского центра ВМФ Бетесды, узнал, что ему предстоит руководить процедурой вскрытия трупа президента. Его проинформировали, что тело должны доставить через несколько часов. Вначале Жаклин Кеннеди была против вскрытия; она с ужасом представляла себе тело мужа на холодной стали анатомического стола. «Этого не следует делать», — говорила она личному врачу президента, адмиралу Джорджу Беркли, на борту президентского самолета по пути из Далласа в Вашингтон³. Она сидела в хвостовом отсеке рядом с гробом. Беркли, зарекомендовавший себя верным и тактичным другом семьи Кеннеди, мягко убеждал ее в необходимости вскрытия. С ним ей всегда было спокойнее: он был собратом по вере, исключительно набожным католиком, и в такой момент его совет был для нее, быть может, важнее мнений других. Он напомнил, что ее супруг пал жертвой преступления, поэтому вскрытие провести необходимо⁴. Он предложил ей выбрать один из двух госпиталей: Медицинский центр Уолтера Рида в Вашингтоне и центр в Бетесде. Эти центры находились всего в десяти километрах друг от друга.

— Президент же служил во флоте, — напомнил Беркли.

— Да, конечно, — ответила она. — Пусть будет Бетесда.

Этот выбор поставили под сомнение даже некоторые врачи ВМФ. Опытные патологоанатомы Центра Уолтера Рида понимали в пулевых ранениях больше, чем их флотские коллеги. (Просто потому, что солдаты погибали от пуль чаще, чем моряки.) Командер Торнтон Босуэлл, еще один патологоанатом из Бетесды, был назначен ассистентом Хьюмса; он также счел «глупостью» проводить вскрытие в военно-морском госпитале, при том что были и другие варианты. Он считал, что тело президента должно было быть отправлено в Институт патологии ВС США в центре Вашингтона, в исследовательский центр Министерства обороны, который занимался сложными патологоанатомическими и юридическими экспертизами во всех родах войск⁵. Ни Хьюмс, ни Босуэлл не имели квалификации по судебно-медицинской патологии, занимающейся случаями насильственной и внезапной смерти⁶. Поэтому в команду был назначен третий медицинский эксперт — доктор Пьер Финк, судебный патологоанатом из Института патологии ВС США в звании подполковника военно-медицинской службы.

Главным преимуществом Медицинского центра Бетесды было помещение прозекторской⁷. Здание морга только недавно модернизировали,

снабдив новейшим медицинским оборудованием и системами связи. «Мы месяца два как туда переехали, — вспоминал Хьюмс, — там все было с иглолочки». По стандартам военных госпиталей прозекторская была просторная, примерно 7,5 на 10 метров; в центре — стальной секционный стол, привинченный к полу⁸. Помещение также использовали как анатомический театр: вдоль одной из стен тянулся ряд сидений, человек на тридцать — обычно сюда приходили врачи-резиденты или коллеги из других клиник, чтобы следить за ходом операций. Кроме того, имелась телекамера, транслирующая изображение по закрытому каналу для тех, кто работал через дорогу — в Национальном институте здравоохранения, а также для врачей на авиабазе Эндриус, располагавшейся на той же улице. (Впоследствии Хьюмс рассказывал, как ему хотелось, чтобы в тот вечер кто-нибудь включил эту камеру — это положило бы конец «абсурдным домыслам» о том, что там произошло.) В морге были два холодильных отсека на шесть тел, а также душевые кабины для врачей. В ночь, когда происходило вскрытие Кеннеди, в морге был задействован каждый сантиметр пространства.

Тело президента было доставлено около 19.30⁹. По пандусу с улицы вкатили бронзовый гроб. Из него бережно извлекли погибшего, произвели детальную рентгено- и фотосъемку и положили на секционный стол, где тело оставалось на протяжении десяти последующих часов. Ранений в голову видно не было — в Далласе голову прикрыли простынями. Удалив пропитанную кровью материю, Хьюмс приказал немедленно выстирать все простыни. «У нас в морге была стиральная машина, — вспоминал Босуэлл, — и он все их туда засунул». С самого начала Хьюмса беспокоило то, что любая вещь, вынесенная из секционного зала, может стать сувениром на провинциальной ярмарке. «Он не хотел, чтобы через некоторое время эти простыни очутились в каком-нибудь канзасском амбаре».

Вскрытие обернулось настоящим «светопреставлением», сетовал Босуэлл¹⁰. Собрались десятки людей — врачи военно-морского флота, офицеры, представители администрации госпиталя, — кто-то уже был в морге, кто-то толкался у дверей, чтобы туда попасть. Патологоанатомы утверждают, что агенты спецслужб, сопровождавшие тело президента до Бетесды, включая тех, кто оказался в Далласе в момент убийства, были в совершенном иступлении. Человек, которого они под присягой обязались охранять буквально ценой собственной жизни, был мертв. Что им теперь было охранять? «Все эти люди находились в таком эмоциональном состоянии, что носились как безголовые курицы, и нам было понятно, что они переживают», — позднее вспоминал Босуэлл¹¹.

Беркли, личный врач президента, сопровождал тело до Бетесды и поначалу пытался контролировать процедуру вскрытия. Как контр-адмирал

в обычных условиях он мог отдавать приказы военно-морским патологоанатомам, стоящим ниже его по званию, но по специальности он был терапевтом и кардиологом, и его рекомендации Хьюмс и другие патологоанатомы сразу же приняли в штыки. Сначала Беркли выступал против полного вскрытия. Предполагаемый убийца был арестован, вина его была почти неоспорима, поэтому Беркли заявил, что в процедурах, которые могут существенно обезобразить тело президента, нет необходимости. Ему было известно, что в семье Кеннеди обсуждался вопрос о похоронной церемонии с открытым гробом¹². По воспоминаниям Босуэлла, доктор Беркли хотел свести вскрытие к «обнаружению пуль».

Предложение адмирала Хьюмс отверг как абсурдное: в ходе поспешного вскрытия велика была опасность упустить что-то важное, поэтому Беркли пришлось уступить, хотя он продолжал торопить патологоанатомов. «Джорджа Беркли волновало только одно: как бы поскорее покончить со всем этим», — не без раздражения вспоминал Хьюмс. Кроме того, Беркли беспокоился о том, как долго придется ждать миссис Кеннеди, которая вместе с Робертом Кеннеди, другими членами семьи и друзьями находилась в номере для высокопоставленных гостей на 17-м этаже госпиталя. Миссис Кеннеди заявила, что не покинет госпиталя до тех пор, пока не сможет забрать тело своего мужа. Хьюмс говорил, что внутри у него все сжималось при мысли о том, каково ей было в тот момент; он знал, что на ней все еще был залитый кровью розовый костюм, в котором он увидел ее по телевизору. («Пусть видят, что сделали», — сказала она Беркли с вызовом.)¹³ Хьюмс, конечно, сочувствовал миссис Кеннеди, однако понимал, что торопится именно из-за нее. «Ее присутствие нас терзало и только усложняло ситуацию», — вспоминал он.

Беркли выдвинул патологоанатомам еще одно требование, проявив при этом изрядную непреклонность¹⁴. Он потребовал от Хьюмса обещания, что в заключении патологоанатомов будет скрыт важный факт о здоровье президента, не имеющий отношения к убийству. В заключении не должно было быть никаких упоминаний о состоянии надпочечников Кеннеди. Врач Белого дома знал: осмотр надпочечников выявит, что президент — невзирая на многолетние публичные опровержения — страдал болезнью Аддисона, тяжелым хроническим заболеванием, при котором надпочечники не производят достаточно гормонов. Кеннеди выглядел розовощеким здоровяком, но зачастую лишь благодаря гриму и постановочной съемке перед камерами, о чем Беркли знал. Президент жил благодаря ежедневному приему гормонов, включая тестостерон в высоких дозах.

Хьюмс, который торопился приступить к делу, согласился. «Он пообещал Джорджу Беркли, что мы не будем обсуждать надпочечники, пока будут живы тогдашние члены семьи Кеннеди, или что-то вроде этого», — вспо-

минал Босуэлл, который согласился действовать по предложенному плану, хотя это и было грубейшим нарушением протокола¹⁵. Через несколько дней после вскрытия Беркли вновь приехал к Хьюмсу с еще одной конфиденциальной просьбой, на этот раз касавшейся мозга президента, который был после вскрытия извлечен из черепа для анализа¹⁶. По просьбе Беркли Хьюмс доставил мозг — в Бетесде он был погружен в формалин и заключен в стальной контейнер — в Белый дом, где он мог быть предан земле на могиле президента*. «Он прямо заявил мне, что решение принято и что он собирается забрать мозг президента и доставить его Роберту Кеннеди», — вспоминал Хьюмс¹⁷.

Вечером во время вскрытия Хьюмсу было трудно работать и по другим причинам. В часы сразу после смерти президента все боялись, что убийство — результат заговора, и в коридорах госпиталя Бетесды только и говорили что о повторной атаке заговорщиков. Приступая к вскрытию, Хьюмс и его коллеги слышали разговоры коллег о том, что за убийством могли стоять русские или кубинцы и что Линдон Джонсон, принявший присягу несколькими часами ранее, может стать следующей мишенью.

Врачи беспокоились о своей безопасности¹⁸. Если имел место заговор, убийцы могут захотеть скрыть правду о том, как умер президент. Не заставят ли замолчать и патологоанатомов Бетесды, и не похитят ли, и не уничтожат ли доказательство происшедшего? «Казалось, за всем этим мог стоять какой-то политический стовор, — вспоминал впоследствии Босуэлл. — Убрать могли любого». Офицер выше Хьюмса по званию был настолько встревожен потенциальной угрозой, что приказал Босуэллу сопроводить Хьюмса, которому было поручено подготовить отчет о вскрытии, до дома. «Поэтому я сел в свою машину и сопровождал Джима Хьюмса до самого его дома», — рассказывал Босуэлл.

Около 7 часов утра, когда Хьюмс наконец вышел из дома, времени собраться с мыслями, не говоря о том, чтобы поспать, у него не было. Он должен был отвезти сына в церковь на первое причастие и был полон ре-

* Еще одна загадка — где находится мозг президента. В 1979 году специальная комиссия Конгресса, созданная для расследования заказных убийств и занимавшаяся повторным расследованием убийства Кеннеди, сообщила, что доктор Беркли доставил запечатанный стальной контейнер с мозгом Кеннеди его бывшему секретарю Ивлин Линкольн, которая хранила его некоторое время в 1964 году в помещении Национального архива. Куда попал этот контейнер дальше, комиссия выяснить не смогла. В итоговом отчете комиссия ссылалась на бывшего профессора Йельской школы права Берка Маршалла, представлявшего интересы распорядителей наследства Кеннеди и полагавшего, что в итоге мозг и другие документы, касающиеся вскрытия, попали к Роберту Кеннеди, который «избавился от этих материалов самостоятельно, не поставив об этом никого в известность». Маршалл утверждал, что «Роберт Кеннеди опасался, что в последующие годы эти материалы будут выставлены на всеобщее обозрение, например в Смитсоновском институте, и стремился избавиться от них, чтобы исключить подобную возможность».

шимости туда добраться; он также знал, что через несколько часов должен вернуться в госпиталь Бетесды, чтобы созвониться с врачами Мемориальной больницы Паркленда в Далласе, которые безуспешно пытались бороться за жизнь президента. Позднее Хьюмс сокрушался по поводу того, что вечером в пятницу ему следовало в какой-то момент выйти из секционного зала и связаться с врачами из Мемориальной больницы Паркленда, но от него требовали как можно скорее провести вскрытие. «Выйти из зала мы не могли, — вспоминал он. — Здесь следует понимать ситуацию — истерическую ситуацию, — которая тогда сложилась. И как только нам удалось не утратить самообладания и так держаться — вот что меня изумляет»¹⁹.

Субботний телефонный разговор с доктором Малькольмом Перри, главным врачом Мемориальной больницы Паркленда, который первым занимался ранением Кеннеди, разрешил главную загадку. Ни в Далласе, ни в Бетесде врачи не сомневались, что причина смерти Кеннеди — обширное ранение в голову; пуля снесла большую часть правого полушария мозга, что запечатлено на фотоснимках. Загадкой оставалась первая пуля, поразившая президента: она попала в верхнюю часть спины в области шеи и не должна была сильно деформироваться, поскольку вошла в мягкие ткани. Но что с ней стало? Патологоанатомы Бетесды не могли найти выходное отверстие.

Хьюмс и его коллеги бились над этой загадкой несколько часов — в том числе и поэтому процедура вскрытия заняла столько времени. «Я сделал рентген тела президента с головы до ног, поскольку такие пули, попав в тело человека, ведут себя порой очень странно», — говорил Хьюмс²⁰. Прорыв тело, они часто идут по зигзагообразной траектории, пояснял он. «Она могла оказаться в бедре или в ягодице. Да где угодно». В ходе работы Хьюмс и другие врачи обсуждали и маловероятную версию — что пуля выпала из входного отверстия в тот момент, когда Кеннеди делали массаж сердца, чтобы восстановить сердцебиение, и эти соображения были зафиксированы в отчете агентов ФБР, наблюдавших за вскрытием.

В телефонном разговоре Перри изложил свою версию касательно исчезнувшей пули. Врачи из Паркленда сделали трахеотомию, пройдя в сильно пострадавшее дыхательное горло президента, чтобы он мог дышать, именно в этом месте, рядом с узлом его галстука, была небольшая рана. Возможно, пуля вышла через это отверстие? «Как только доктор Перри это произнес, все сразу стало ясно, и мы сказали: ага, теперь понятно, как она вышла», — вспоминал Хьюмс²¹. После трахеотомии выходного отверстия было не разглядеть, предположил он. Врачи так и не смогли с уверенностью определить, где оказалась пуля в итоге, и все-таки теперь они знали, что она могла выйти через горло президента.

В ту субботнюю ночь, когда Хьюмс сидел у себя дома за столиком у камина в гостиной, он заметил пятна крови — крови президента, — пропитавшей каждую страничку его записок, сделанных в секционном зале, а заодно и все страницы чернового варианта отчета о вскрытии. Позднее он вспоминал, что содрогнулся, увидев эти пятна²².

Очень медленно и осторожно он принялся переносить информацию из своих записок на чистые листы бумаги. «Я сел и скопировал все начисто слово за словом», — вспоминал Хьюмс позднее²³. Это отняло несколько часов. Под рукой у него лежал потрепанный «Медицинский словарь Стедмана» — ему не хотелось, чтобы в отчете, предназначенном для Белого дома, были орфографические ошибки.

Одному только Хьюмсу известно, что подвигло его на следующий поступок. Были ли в изначальной версии отчета и его записках ошибки, которые ему хотелось исправить? Смог ли он установить соответствие между входными и выходными отверстиями от пуль? Скрыл ли он еще какую-нибудь информацию, помимо состояния надпочечников президента, о которых он обещал Беркли не упоминать? Или ему велели так поступить? Какой бы ни была причина, Хьюмс решил уничтожить каждый клочок бумаги, за исключением чистой копии. Он не хотел, чтобы испачканные документы попали в руки любителей кровавых подробностей.

Годы спустя он признался, что не вполне понимал, зачем это сделал, не думал, что его действия могли послужить поводом для теорий заговора, которые преследовали его на протяжении всей жизни. Он попытался реконструировать ход своих мыслей: «Когда я заметил пятна крови на документах, я сказал себе: никто и никогда их не получит»²⁴.

Прежде чем направиться к камину, Хьюмс в последний раз пересмотрел оригинальные записи. Он бросил окровавленные листы оригинала черного отчета о вскрытии в огонь и смотрел, как они превращаются в пепел. Затем кинул в огонь и свои записи из секционного зала²⁵.

«Я сжег все, что у меня было, за исключением окончательной версии отчета, — сказал он. — Мне не хотелось оставлять ничего. Точка».

МОТЕЛЬ «ЭКЗЕКЬЮТИВ-ИНН»

ДАЛЛАС, ТЕХАС

23 НОЯБРЯ 1963 ГОДА, СУББОТА

В Далласе уничтожение улик началось на следующий день после убийства. Через несколько часов после ареста мужа Марина Освальд вспомнила о «глупых фотографиях», которые она сделала на заднем дворе ветхого домика в Новом Орлеане, где их семья провела то лето. На фотографи-

ях был запечатлен ухмыляющийся Ли, весь в черном, с винтовкой (приобретенной по почте) в одной руке и номерами газет *The Militant* и *The Worker* в другой.

В пятницу вечером, после того как сотрудники ФБР и полиции Далласа допросили Марину, ей позволили вернуться в дом Рут Пейн, ее тамошней приятельницы, немного говорившей по-русски. Марина, поразительно красивая 22-летняя русская женщина, которая вышла замуж за Освальда, когда он пытался перебраться в Советский Союз, жила у Рут несколько недель, пока Освальд в поисках работы жил сначала в Новом Орлеане, а потом и в других местах.

По возвращении домой она сразу же нашла фотографии, которые спрятала в альбом с детскими фотографиями, и показала их свекрови — Маргерит Освальд. Женщины были едва знакомы — Освальд всегда говорил, что ненавидит свою мать и отказывался с ней видиться, — и вот убийство заставило обеих миссис Освальд воссоединиться. Марина знала по-английски всего несколько слов.

— Мама, мама, — воскликнула она, показывая снимки свекрови.

По свидетельству невестки, фотографии младшего сына с винтовкой в руках произвели шокирующее впечатление на миссис Освальд:

— Спрячь их, — немедленно сказала она.

Марина засвидетельствовала, что поступила именно так, как ей было сказано, положив фотографии в свой ботинок.

На следующий день, в субботу, после того как Марину еще несколько часов допрашивали полицейские, свекровь подошла к ней и спросила:

— Фотографии, где они?

Марина показала на свои ботинки.

— Сожги их, — сказала Маргерит невестке (так об этом вспоминала Марина), — сожги немедленно.

И вновь Марина поступила так, как ей было сказано. В тот вечер ее и свекровь Секретная служба перевезла в маленький мотель «Экзекьютив-инн», неподалеку от аэропорта Лав-Филд. Марина рассказывала, что взяла фотографии и коробку спичек в ванную, положила фотографии в пепельницу, которую нашла в номере мотеля, чиркнула спичкой и поднесла пламя к краю одной из фотографий. Плотная фотобумага горела плохо, и, по словам Марины, ей пришлось использовать несколько спичек. Позже свекровь утверждала, что это именно Марина решила уничтожить фотографии. Но Маргерит Освальд находилась в том же номере и видела, как Марина сжигает фотографии. Маргерит призналась, что это она, а не Марина, спустила содержимое пепельницы в унитаз. «Я бросила обгоревшие обрывки снимков и пепел в унитаз, — рассказывала она позже, — и спустила воду. Мы не сказали друг другу ни слова».

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ФБР В ДАЛЛАСЕ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

ДАЛЛАС, ТЕХАС

24 НОЯБРЯ 1963 ГОДА, ВОСКРЕСЕНЬЕ

В те выходные некоторые документы стали исчезать и из материалов ФБР. Около шести часов вечера, в воскресенье, специальный агент ФБР Джеймс Хости был вызван в офис своего начальника Гордона Шэнклина, ответственного оперативного сотрудника регионального отделения ФБР в Далласе. Хости рассказывал, что Шэнклин пододвинул к нему листок бумаги, лежавший на столе²⁶.

— Избавься от этого, — приказал он, — Освальд уже мертв. Суда не будет.

Несколькими часами ранее Освальд был застрелен Джеком Руби в Главном управлении полиции Далласа; шокирующая сцена была показана по национальному телевидению в прямом эфире.

Шэнклин кивнул на листок бумаги и повторил свой приказ агенту Хости, 38-летнему человеку с квадратной челюстью, который поступил на работу в ФБР десять лет назад в качестве офисного клерка — традиционный карьерный путь для региональных агентов.

— Избавься от этого, — повторил Шэнклин.

Третий раз Хости повторять было не нужно. Он узнал этот листок — заявление, сделанное рукой Освальда, которое сам Освальд и принес в отделение ФБР в начале ноября, требуя, чтобы ФБР прекратило допрашивать его жену — женщину русского происхождения.

«Если вы не оставите в покое мою жену, я приму соответствующие меры», — было написано в заявлении, как позднее вспоминал Хости. Женщина, дежурный офицер, принявшая от Освальда заявление, говорила, что он произвел на нее впечатление «безумного и, возможно, опасного» человека.

Хости и Шэнклин прекрасно могли себе представить, что произойдет, если Эдгар Гувер узнает о существовании этого заявления. Оно доказывало, что Бюро имело контакт с Освальдом за считанные дни до убийства, что кто-то из Бюро лично контактировал с женой Освальда, что Освальд собственной персоной приходил в Далласское отделение ФБР. Попросту говоря, этот листок бумаги говорил о том, что Бюро, точнее, его сотрудники Шэнклин и Хости упустили шанс остановить Освальда до того, как он застрелит президента.

Из заявления следовало, что ФБР следило за Освальдом на протяжении месяцев. На самом деле, как знали Шэнклин и Хости, в Далласском отделении ФБР с марта на Освальда было заведено дело как на человека, могущего представлять угрозу национальной безопасности. Освальд вернулся в США годом ранее, после неудачной попытки перебраться в Россию, и в ФБР подо-

зревали, что вернулся он для того, чтобы осуществлять шпионскую деятельность в пользу Советского Союза.

Шэнлин продолжал неотрывно смотреть на заявление, ожидая, когда Хости возьмет его.

Хости было о ком заботиться: жена и восемь детей жили на его жалование, 9 тысяч долларов в год. В ФБР приказы было принято исполнять, даже такие противозаконные, как уничтожение ценнейших улик, касающихся человека, который только что застрелил президента.

Хости взял листок и вышел из офиса, прошел несколько метров по коридору до мужского туалета. Он зашел в одну из кабинок и закрыл за собой дверь. Там он порвал заявление и бросил кусочки в унитаз. Когда с этим было покончено, он потянул за увесистую деревянную ручку на металлической цепочке и спустил воду. Немного подождал, а потом вновь потянул. Позднее он говорил, что ему хотелось убедиться, что исчезло все до последнего клочка.